

Max Weber

WIRTSCHAFT UND GESELLSCHAFT

Grundriss der verstehenden Soziologie

---

5. revidierte Auflage

Besorgt von Johannes Winckelmann

Макс Вебер

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

Очерки понимающей социологии

ОБЩНОСТИ

Оглавление

Предисловие научного редактора издания к тому II	7

Том II ОБЩНОСТИ

Глава 1. Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в основных чертах	19
§ 1. Сущность хозяйства. Хозяйственная, хозяйствующая и регулирующая хозяйство общности	19
§ 2. Открытые и закрытые хозяйственные отношения	22
§ 3. Формы общностей и экономические интересы.....	24
§ 4. Типы экономической деятельности хозяйствующих общностей и формы хозяйства	30
§ 5. Действия общности по удовлетворению потребностей и распределение бремени. Порядки, регулирующие хозяйство.....	33
Глава 2. Типы общностей и обобществлений в их отношении к хозяйству.....	38
§ 1. Домашняя общность	38
§ 2. Соседская общность, хозяйственная общность и община	42
§ 3. Сексуальные отношения в домашней общности	46
§ 4. Род и регулирование сексуальных отношений. Домашняя, родовая, соседская и политическая общности	48
§ 5. Отношение к военному и хозяйственному устройству. «Брачное имущественное право» и наследственное право	52
§ 6. Распад домашней общности: изменение ее функциональной роли и появление расчета. Рождение современных торговых обществ	57
§ 7. Развитие ойкоса.....	63
Глава 3. Отношения в этнических общностях	68
§ 1. Расовая принадлежность.....	68
§ 2. Возникновение веры в этническое единство. Языковая и культовая общности	70

§ 3. Отношение к политической общности. «Род» и «народ»	76
§ 4. Национальность и культурный престиж	78
Глава 4. Социология религии (типы религиозных общностей)	82
§ 1. Возникновение религии	82
§ 2. Колдуны и священники	102
§ 3. Понятие бога. Религиозная этика. Табу	104
§ 4. Пророк	114
§ 5. Община	125
§ 6. Священное знание. Проповедь. Спасение души	130
§ 7. Сословия, классы и религия	138
§ 8. Проблема теодицеи	179
§ 9. Спасение и возрождения	186
§ 10. Пути спасения и их воздействие на стиль жизни	188
§ 11. Религиозная этика и «мир»	224
§ 12. Культурные религии и «мир»	249
Глава 5. Рыночное обобществление	268
Глава 6. Политические общности	273
§ 1. Сущность и «правомерность» политических союзов	273
§ 2. Стадии развития политического объединения	276
§ 3. Престиж власти и «великие державы»	281
§ 4. Хозяйственные основы «империализма»	283
§ 5. «Нация»	292
Глава 7. Распределение власти: классы, сословия, партии	297
Воинские сословия. набросок	311
Приложения	
Глоссарий	315
Словарь иноязычных слов и выражений	335
Словарь понятий Макса Вебера	343
Биобиблиографический указатель	383
Список сокращений	397
Именной указатель	398
Предметный указатель	401
Оглавление томов I–IV	423

Предисловие научного редактора русского издания к тому II

Статьи, включенные в настоящий том, были написаны в основном в 1910—1914 гг. и предназначены для «Очерка социальной экономики», который должен был выходить в свет под редакцией Макса Вебера¹. Это многотомное издание включало 81 раздел, из них, как запланировал Вебер, 14 предстояло написать ему самому. Именно он, пользуясь полным доверием издателя Пауля Зибека, разрабатывал общий план издания и подбирал авторов, среди которых были самые авторитетные германские ученые — специалисты в соответствующих областях науки².

Сдача готовых рукописей была назначена на 15 января 1912 г. Но в срок уложились — из-за болезней или по другим причинам — далеко не все авторы. Более того, оказалось, что некоторые авторы, на которых Вебер возлагал особые надежды и которым предстояло подготовить самые важные разделы «Очерка», в частности Карл Бюхер, представили материалы, не удовлетворившие редактора. Вебер все более склонялся к необходимости взять на себя написание этих разделов или же включить соответствующие темы в собственный раздел, озаглавленный «Хозяйство и общественные порядки и силы». В результате этот его собственный раздел неимоверно разрастался. Вебер писал издателю, что для завершения работы потребуется еще 30 листов, а может быть, и более³. Редактор первого тома «Хозяйства и общества», вышедшего в рамках полного академического издания, Вольфганг Моммзен пишет: трудно избавиться от ощущения, что желание Вебера брать на себя еще и чужие разделы объяснялось не столько трудностями комплектования «Очерка социальной экономики», сколько стремительным развитием его идей, что было, в частности, следствием параллельной работы над несколькими темами. Ссылки же на других авторов и необходимость переписывать их разде-

---

¹ Подробнее о нем см. во вступительной статье редактора русского издания, а также в предисловиях Й. Винкельмана к четвертому и пятому немецким изданиям (том I).

² В связи с привлечением «живых классиков» возникали известные трудности. Как писал Вебер издателю Паулю Зибеку, «я объясняю старым господам, что *не буду* фигурировать в качестве *редактора*», и в другом письме: «По некоторым причинам я представляюсь ему [здесь называется один из «старых господ». — Л. И.] и другим таким же как *ответственный за переписку*, а не редактор... Для молодых же я — редактор» (MWG. 1/22-1. S. 17 f) (см. список сокращений в конце этого тома).

³ MWG. 1/22-1. S. 23.

лы объяснялись желанием найти приемлемые аргументы для изменения первоначальных планов⁴.

В результате сроки представления рукописей сдвигались сначала на конец 1912 г., потом на 1914 г., первый том «Очерка» уже увидел свет (в 1914 г.), а главные его разделы, которые готовил Вебер, еще не были закончены. Более того, главы по развитию права, по религиозным общностям, по социологии господства, над которыми усиленно трудился Вебер, уже не подходили «Очерку социальной экономики» не только по объему, но еще и по «формату». Это были исследовательские работы, не соответствовавшие требованиям систематичности и простоты изложения, необходимым для учебных пособий. А именно такие требования предъявлялись к изданию.

К лету 1914 г. на руках у Вебера оказались, как пишет Моммзен, гигантские пакеты с частично завершенными, но чаще не готовыми к печати рукописями, которые к тому же в основном не годились для «Очерка».

С началом Первой мировой войны Вебер отложил в сторону рукописи, предназначенные для «Очерка», на том основании, что, во-первых, в войну неуместно заниматься такими проектами, и, во-вторых, он сам сейчас не в состоянии это делать. Вольфганг Моммзен полагает, что это было своего рода бегство от проблем⁵ ввиду «неподъемности» задач по переработке имеющегося материала, тем более что и в этот период Вебер не переставал трудиться, сосредоточившись на издании томов «Хозяйственной этики мировых религий».

Но война закончилась, и пришлось возвращаться к отложенным рукописям. В октябре 1919 г. Вебер писал издателю Паулю Зибеку: «Толстые старые рукописи ждут основательной переработки»⁶.

Но 14 июня 1920 г. он умер, успев подготовить к печати лишь несколько глав, вошедших впоследствии как «первая часть» во все пять немецких изданий «Хозяйства и общества» (под редакцией сначала Марианны Вебер, потом Й. Винкельмана), а затем составивших том 1/23 немецкого полного собрания сочинений Вебера, а также первый том настоящего русского издания. Остальные рукописи, в частности и те, что включены в настоящий том II, так и остались не переработанными самим автором, а их интеграция в состав «Хозяйства и общества» — результат исследовательской и «конструкторской» работы названных выше редакторов.

* * *

В этот том вошли главы из второй части «Хозяйства и общества» под редакцией Винкельмана. Однако редактор русского издания счел необходимым произвести некоторую коррекцию последовательности глав в свете

⁴ MWG. 1/22-1. S. 21.

⁵ Ibid. S. 25.

⁶ Ibid. S. 32.

изменений, произведенных редакторами немецкого академического издания. Так, главы 1 и 7 второй части (по Винкельману) вынесены в отдельный том III («Право»), как это сделано в академическом издании. Винкельмановская глава 8 («Политические общности») разбита на две главы (у нас — главы 6 и 7), исходя из хронологии их написания и в согласии с тем, как это сделано в академическом издании. В общем и целом, на взгляд редактора, удалось, внося некоторые изменения в предложенную Винкельманом последовательность глав, обеспечить тематическое единство тома.

* * *

В целом главы, вошедшие в этот том, демонстрируют становление структур рациональности (рациональных порядков), регулирующих действие общностей в разных обстоятельствах и на разных этапах исторического развития.

Глава 1 «Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в основных чертах» представляет собой своего рода введение в проблематику общностей. Вебер выделяет несколько типов общностей в их связи с хозяйством: это, по его терминологии, «хозяйственные общности», «хозяйствующие общности», «регулирующие хозяйство общности» (для разъяснения терминов см. словарь понятий Макса Вебера в конце тома). Разные типы общностей предполагают разные типы зависимости между структурой общностей и их экономической функцией.

Важную роль здесь играет анализ закрытых и открытых общностей и, соответственно, процессов их открытия и закрытия. Закрытие общностей — естественный результат экономической конкуренции, т.е. борьбы за экономические возможности. Как это происходит? Совместно действующие индивиды, рассказывает Вебер, конкурируя между собой, объединяются по отношению ко всем остальным в общность по интересам, и у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то «обобществление» (для разъяснения специфических терминов см. словарь понятий Макса Вебера), регулируемое рациональным порядком. Если монополистические интересы продолжают существовать и далее, наступает момент, когда либо сама общность, либо другие общности (например, политическая) устанавливают порядок, ограничивающий конкуренцию в пользу монополии, и создают из определенного круга лиц постоянные органы, готовые проводить в жизнь этот порядок, пусть даже принудительно. «Тогда общность по интересам, — заключает Вебер, — становится правовой общностью, а ее члены — правовыми товарищами. Этот типичный и повторяющийся процесс, который мы назовем закрытием общности, является источником собственности на землю, а также всяких цеховых и прочих групповых монополий»⁷.

---

⁷ См. ниже, с. 22.

Далее следует исключительно полезный анализ форм и степеней как закрытости, так и открытости общностей, практикующих различные типы общностного действия, т.е. демонстрирующих разные формы и степени связи с экономикой.

В заключение главы дается социально-экономический анализ типов удовлетворения финансовых потребностей общностного действия — сборы и налоги, предпринимательство, меценатство, литургия (см. словарь понятий Макса Вебера) — и ставится вопрос о том, какие из этих типов способствуют (или, соответственно, не способствуют) рациональному капиталистическому развитию.

Глава 2 содержит типологию форм исторического развития общностей: домашняя общность с ее «домашним коммунизмом», которая сначала развивается в сторону усиления «отцовской власти», т.е. доминирования главы дома, а затем движется в сторону формирования более крупных общностей, таких как община или соседство, с одной стороны, или род и племя (если развитие идет по линии кровных связей) — с другой. Вебер отвергает в связи с этим идею так называемого материнского права. Он стоит на точке зрения прогрессирующего ослабления отцовской власти, что происходит, как он полагает, по экономическим причинам. В этом процессе происходит дифференциация моделей взаимоотношений мужчин и женщин и форм семьи. Дальнейшее направление развития — выработка «обобществлений», т.е. обладающих уже собственной структурой и динамикой «необщностных», или рационально регулируемых, форм социальных и хозяйственных изменений. В частности, он указывает на возникновение в русле этого развития крайне важного — с точки зрения современных организационных форм — разделения дома и бюро, т.е. дома и офиса. Именно такое развитие постепенно ведет, как показывает Вебер, к господству в экономической деятельности принципа счетности, что знаменует наступление «качественно новой» стадии в развитии рационального капиталистического хозяйства и общества. Но здесь Вебер на этой теме не останавливается, поскольку в деталях она обсуждается в другом месте⁸.

Альтернативное направление развития домашней общности — формирование ойкоса как ремесленного хозяйства, преобразующего домашнюю общность в крупное производство, как правило, с использованием рабского или крепостного труда. Развитие в сторону ойкоса — это, с точки зрения Вебера, неперспективное развитие, ибо ойкос порождает структуры патримонического господства, что ведет к закоснению хозяйственных форм и тормозит развитие рационального капитализма.

В *главе 3*, посвященной этническим общностям, Вебер затрагивает проблемы, которые имели острое политическое звучание в его время и имеют не менее острое звучание и сегодня. Его принципиальная установка

---

⁸ См. гл. 5 ниже, а также гл. 2 т. I.

в отношении этнических общностей состоит в том, что в основе последних лежат не некие объективные, природные факторы, а «вера в этническую общность», возникающая в силу «субъективных оценок», даже если при этом определенную роль могут играть и какие-то объективные факторы. Таким образом, этническая общность есть не природное, т.е. объективное по сути своей, явление, а продукт субъективных интерпретаций. И это относится не только к понятию этнической общности. Как далее пишет Вебер, «понятию этнической общности, растворяющемуся при точном анализе, в известной степени соответствует другое, на наш взгляд, — если подойти к нему социологически — еще более отягощенное патетическими ассоциациями понятие “нация”»⁹.

Далее, в этом же томе, в главе 6, посвященной политическим общностям, можно увидеть, с какого рода общностями ассоциируется чувство этнического (государственная общность, культурная общность, языковая общность и др.), и как, с точки зрения Вебера, такое «субъективистское» видение этнического и национального выражается в оценках таких важных культурно-политических феноменов, как великодержавность, национальный престиж и т.д.

Но вернемся к систематическому изложению. Глава 4, посвященная религиозным общностям, с одной стороны, непосредственно примыкает к этнической проблематике. Это «примыкание» обеспечивается в силу того, что религиозная идентификация играет, как правило, крайне важную роль в формировании веры в этническую общность и шире — в формировании национального самосознания. Более того, религия играет важнейшую роль в формировании общностей типологически более раннего порядка, а именно домашних и родовых общностей. Повсюду, пишет Вебер, «где союз или обобществление выступают не как персональная сфера власти *отдельного* лица, а именно как союз, нужен свой особый бог, и это прежде всего относится к домашнему и родовому союзу»¹⁰.

Однако, с другой стороны, эта глава представляет собой нечто гораздо большее, чем просто рассмотрение одной из «ступенек» процесса становления общностей. По Веберу, воздействие религиозных феноменов на формирование и действие общностей определяется тем, какое влияние они оказывают на формирование стиля жизни отдельного индивида, а через него — на историческое развитие, особенно на возникновение современного рыночного капитализма. Как известно, именно этой проблематике посвящена знаменитая работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма».

С одной стороны, получается, что глава о религии содержательно органически входит в тему «общности» и примыкает к главе об этнических

---

⁹ См. ниже, с. 78.

¹⁰ См. ниже, с. 92.

общностях. С другой стороны, эта огромная глава, по объему составляющая целую книгу, играет более важную роль в творчестве Вебера в целом. Это дало основание Марианне Вебер, а за ней Йоханнесу Винкельману назвать данную главу не «Религиозные общности», а более широко — «Социология религии». Редакторы полного академического издания даже вынесли главу о религии в отдельный том.

Не претендуя на высказывание широких суждений о веберовской социологии религии, обращаю внимание на то, что из трех значительных работ, посвященных религиозной проблематике, глава в «Хозяйстве и обществе» занимает своего рода промежуточное положение. С одной стороны, имеются «Протестантская этика и дух капитализма», знаменитая работа, созданная в 1904–1905 гг., и примыкающая к ней статья о «Протестантских сектах» 1906 г.¹¹ С другой стороны — грандиозное исследование «Хозяйственная этика мировых религий»¹², работа над которым шла *параллельно* писанию разделов для «Хозяйства и общества». Можно предположить, что текст 1913 г., опубликованный лишь в 1922 г. под названием «Социология религии (формы религиозных общностей)», должен представлять собой нечто вроде краткого компендиума содержания, развернутого в трех томах «Хозяйственной этики».

Чтобы подтвердить или опровергнуть эту точку зрения, надо хотя бы в общих чертах сравнить эти работы. Под мировыми религиями — точнее, под хозяйственной этикой мировых религий — Вебер понимает пять религиозных или религиозно обусловленных систем регламентации жизни, в частности хозяйственной, которые имеют больше всего последователей: это конфуцианская, буддистская, индуистская, христианская и исламская религии. При этом христианство Вебер считает в основном проясненным в работах о протестантской этике, поэтому сосредоточивается на этических системах, а в первую очередь — на практиках остальных названных религий. Причем важнее всего для Вебера именно «практики», т.е. систематизация укладов жизни, правил организации жизни, для их характеристики Вебер применял термин *Lebensführung*, который мы переводим как жизненный стиль или стиль жизни¹³.

В главе для «Хозяйства и общества» Вебер как бы формирует концептуальную схему этих самых жизненных укладов, образов и стилей жизни, вообще духовных, экономических, ритуальных и других систематических практик, характерных для мировых религий. Как верно замечает Д. Кеслер, Вебер работал над томами «Хозяйственной этики» и над главой о религиозных общностях не только одновременно, но и используя *один и тот же*

---

¹¹ См. на русском языке: МВИП. С. 44–306.

¹² См.: *Weber Max. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Bd. I–III. Tübingen: J.C.B. Mohr (Siebeck), 1986.*

¹³ Разъяснение см. в словаре понятий Макса Вебера.

материал, который, однако, организовывался по-разному. Если в томах и главах «Хозяйственной этики» рассматривались особенности и частности хозяйственных и ритуальных практик, присущих той или иной религии, то в главе для «Хозяйства и общества» имела место, по словам Кеслера, «систематизация и генерализация». В ней Вебер ведет речь не об особенностях той или иной религии, а о возникновении религии «вообще», о религиозном действии «вообще», о колдунах, священниках, пророках, о понятии бога, о религиозной этике, о том, что такое табу, община, религиозность разных классов и групп, спасение души — обо всем этом «вообще»¹⁴, а не в конкретных проявлениях. Конкретных примеров, конечно, масса, но все они здесь только в качестве иллюстрации общих тезисов.

С определенными оговорками можно сказать, что глава о религиозных общностях в настоящем томе — это исследование не только одного из типов общностей, а именно религиозной общности, но и — одновременно — теоретико-методологическое введение в социологию религии Вебера. В этом смысле она представляет собой теоретическую «крышу» не только создаваемых одновременно с ней томов «Хозяйственной этики», но и работ об этике протестантизма, которые именно в свете данной главы обретают дополнительный смысл.

Кроме того, нельзя не отметить, что именно эта глава дает выход к «центральному нерву» веберовской общесоциологической теории — к проблематике становления рационализма как специфической характеристики западной культуры, обусловившей ее универсальную значимость¹⁵. Хозяйственная этика религий, управляющая жизненным стилем, как раз и является фактором, ответственным за успешность или неуспешность формирования рационализма как характеристики культуры. В «Протестантской этике» влияние этого фактора продемонстрировано с максимумом выразительности. Именно на этом основании известный философ и великолепный знаток Вебера Фридрих Тенбрук высказал предположение о том, что в действительности главный труд Вебера и подлинная сердцевина его творчества не «Хозяйство и общество», а «Хозяйственная этика мировых религий»¹⁶.

На наш — и не только на наш — взгляд, это некоторое преувеличение значимости безусловно крайне важного труда. Но для нас сейчас существеннее другое: глава о социологии религии, входящая в настоящий том, — это работа, сама по себе (а не только в контексте «Хозяйства и общества») играющая огромную роль в творчестве Вебера.

---

¹⁴ Kaesler D. Max Weber. Eine Einführung in Leben, Werk und Wirkung. Frankfurt a. M.: Campus, 2003. S. 176.

¹⁵ Подробно об этом говорится во вступительной статье (том I настоящего издания).

¹⁶ Tenbruck F. Das Werk Max Webers // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Heft 27. 1975. S. 663–702.

Глава 5 — «Рыночное обобществление» — это глава, или даже фрагмент возможной главы, незавершенный, но весьма важный с точки зрения последовательности представления форм общностей. Если точно следовать веберовской терминологии, можно сказать, что рынок — это пограничный случай существования общности, где общность превращается в обобществление. Для Вебера элементарная «единица» рынка — свободный рыночный обмен — это чистый тип рационального общественного действия, где полностью отсутствуют неэкономические, т.е. «замутняющие» экономическую рациональность религиозные, культурные, национальные, социальные факторы. Автор предисловия к тому, посвященному общностям, Вольфганг Моммзен пишет, что, наверное, именно по этой причине Марианна Вебер в первом издании «Хозяйства и общества» не решилась озаглавить этот отрывок «Рыночная общность», а поставила в заглавии нейтральный термин «Рынок»¹⁷.

Здесь Вебер перечисляет факторы, в ходе исторического развития препятствовавшие становлению рационального капиталистического хозяйства, и показывает, как они преодолевались в разных обществах. Он также демонстрирует, как зачастую парадоксально и противоречиво действуют нерыночные факторы, такие как, например, структуры политического господства, которые, с одной стороны, могут составлять мощный тормоз рыночного развития, но с другой — в огромном количестве ситуаций необходимы как орудия защиты свободы рынка.

В *главе 6*, посвященной политическим общностям, государство рассматривается как результат становления общности, объединяющей большие группы людей. Изначальная функция государства — защита от внешней угрозы. Отталкиваясь от этой функции, говорит Вебер, государство по мере своего развития монополизировало все больше и больше функций общностного действия, перенимая постепенно функции других структур господства.

При этом на первое место среди функций государства Вебер выдвигает функцию применения физического насилия, причем не только вовне, но и внутри государственной общности. В качестве критерия государства как общности в отличие от других общностей отмечается право государства применять физическое насилие по отношению к гражданину, в то же время требуя от него готовности жертвовать собой во имя государства. Другим критерием является господство над четко ограниченной территорией.

В главе содержится еще много важнейших размышлений, не только полезных с теоретической точки зрения, но и в определенной степени подсказывающих индивиду, чего ждет государство от него и чего он может и должен ждать от государства. Глава осталась неоконченной.

---

¹⁷ MWG. 1/22-1. S. 50.

Глава 7 «Классы, сословия, партии» также не была завершена. Класс, если следовать подходу, реализованному в этой главе, представляет собой не общность, а, скорее, действие в рамках рационального рыночного обобществления. Вебер понимает класс узко, ограничивая его пределами рынка труда, рынка товаров и капиталистического предприятия, и в рамках такого понимания класса Вебер не видит перспективы возникновения на классовой основе общностного действия. То есть оно возможно, но только в случае, если классовое положение понято и объяснено *рационально* и воспринято как положение, которое должно быть изменено. В противном случае, считает Вебер, массовое действие, выдаваемое за общностное действие класса, представляет собой не более чем иррациональную, а потому бесплодную в социальном смысле протестную реакцию, не ведущую к рождению общности.

В противоположность классам сословия, формирующиеся на основе соответствующих стилей жизни и принципов сословной чести, способны на общностное действие. Как таковые, они — Вебер показывает это на ряде примеров — способны стать существенным препятствием на пути рационального капиталистического развития. В этом противоположность сословия классу. «Времена и страны, где ведущую роль играло классовое положение, — это, как правило, эпохи и центры технико-экономических переворотов, тогда как любое замедление экономического процесса немедленно ведет к усилению сословных образований и восстановлению значения социальной чести»¹⁸.

Если, как говорит Вебер, «подлинной родиной классов является хозяйственный порядок, а сословий — социальный порядок (т.е. сфера распределения чести), и оба, взаимодействуя, стараются влиять на правовой порядок и, в свою очередь, подвергаются его влиянию, то домом *партий* является преимущественно сфера власти. Действие партий ориентировано на социальную власть, и это означает влияние на совокупное действие общности, в чем бы оно ни состояло содержательно: партии, в принципе, могут существовать как в приватном клубе, так и в государстве»¹⁹.

Закрывающий том набросок «Воинские сословия» представляет собой как бы наметки модели, посредством которой могли бы описываться жизненные стили реальных сословий в их историческом существовании.

Л. Ионин

---

¹⁸ См. ниже, с. 308.

¹⁹ См. ниже, с. 308–309.

Том II

ОБЩНОСТИ

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОБЩНОСТЕЙ (ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО) В ОСНОВНЫХ ЧЕРТАХ

§ 1. Сущность хозяйства. Хозяйственная, хозяйствующая и регулирующая хозяйство общность

Подавляющее большинство общностей каким-либо образом связано с хозяйством. Под хозяйством не следует понимать, как в неспециализированном языке, любое целерационально организованное действие. Так, молитва о духовном благе, в иной религии носящая целесообразный характер, для нас не является актом хозяйствования. Не является таковым и всякое действие или всякое дело, следующее идее бережливости. Держаться при построении понятий принципа интеллектуальной экономии, конечно, не значит хозяйствовать. Художник, исходящий из экономии эстетических средств, тоже не хозяйствует, ибо в результате получается крайне неэкономный с точки зрения рентабельности продукт долгой работы по переделке и упрощению. Следование универсальной максиме оптимальности, т.е. достижения наибольшего результата при наименьших затратах, также само по себе еще не хозяйствование, а целерационально ориентированная *техника*¹. О хозяйстве можно говорить только в случае, если какой-то потребности (или набору потребностей) соответствует *недостаточный*, с точки зрения действующего индивида, набор средств и возможных операций по ее удовлетворению, и эта ситуация становится причиной особенного ориентированного на нее поведения. Главное, что такая недостаточность осознается *субъективно* и на нее ориентируется действие. Всю дальнейшую казуистику и терминологию мы опускаем.

Хозяйствовать можно в двух разных смыслах. Прежде всего, для удовлетворения имеющейся собственной потребности. Это может быть потребность в любом мыслимом благе, от пищи до религиозного просветления, если ее удовлетворению должны служить средства или возможные действия, которых на данный момент для достижения этой цели недостаточно. Вообще, когда речь идет о хозяйстве, думают обычно о повседневных, так называемых материальных, потребностях. Молитвы и богослужения на самом деле *могут* быть такими же объектами хозяйства, как и хлеб

---

¹ О понятии техники см. т. 1, гл. 2, § 1, п. 5, а также словарь понятий Макса Вебера в конце тома.

насущенный, если необходимые для их осуществления лица и их действия в дефиците, и получить их можно только за вознаграждение (как и хлеб). Высоко ценимые как предметы искусства рисунки бушменов не являются хозяйственными объектами и, вообще, продуктом труда в экономическом смысле. Но продукты художественного творчества, которые ценятся обычно гораздо ниже, становятся предметами экономического действия при возникновении специфической хозяйственной ситуации — их нехватки в отношении к потребности. Кроме хозяйствования для покрытия собственной потребности есть хозяйствование ради дохода, представляющее собой использование специфической экономической ситуации, состоящей в недостатке желаемых благ, для получения прибыли от распоряжения этими благами.

Социальное действие может по-разному соотноситься с хозяйством².

Рационально организуемое действие по своему субъективно подразумеваемому участниками смыслу может быть нацелено на чисто хозяйственный результат — удовлетворение потребности или получение дохода. Тогда оно ложится в основание хозяйственной общности. Также оно может использовать хозяйствование как средство для достижения других результатов, на которые, собственно, нацелено. Тогда это хозяйствующая общность. Или же хозяйственные и нехозяйственные цели в действии связаны друг с другом. Или, наконец, ситуация не соответствует ни одному из этих случаев. Границу между двумя первыми категориями нельзя назвать четкой. Строго говоря, первое относится только к тем общностям, которые хотят извлечь выгоду из специфической экономической ситуации, т.е. к хозяйственным общностям, ориентированным на получение дохода. Ибо общности, ориентированные на удовлетворение потребностей, прибегают к хозяйствованию ровно в той мере, в какой оно неизбежно при имеющемся соотношении потребностей и имеющихся для их удовлетворения благ. С этой точки зрения хозяйства семьи, благотворительного фонда, военного комиссариата, коллектива, собравшегося для расчистки леса под пашню или для совместной охоты, все похожи друг на друга. Конечно, кажется, что различие существует и определяется тем, возникло ли действие общности в силу обстоятельств, с которыми пришлось столкнуться при удовлетворении потребностей (расчистка леса под пашню), или же изначально преследовалась другая цель (подготовка солдат к службе), а необходимость хо-

---

² Можно согласиться с автором примечаний в американском издании книги Вебера, предположившим, что отмеченная фраза не принадлежит Веберу, а представляет собой позднейшую вставку (EaS. P. 354). Далее в настоящей главе термин «социальное действие» (*soziales Handeln*) не употребляется, Вебер использует термин «действие общности» или «общностное действие» (*Gemeinschaftshandeln*). Подробнее эти терминологические тонкости разбираются во вступительной статье (т. I, с. 26). См. также словарь понятий Макса Вебера.

зяйствовать возникла из недостатка средств для ее достижения. На самом деле это очень неопределенное различие, четко провести его можно, лишь убрав из рассуждения экономическую ситуацию, т.е. исходя из предпосылки неограниченности ресурсов, и тогда уже смотреть, останется ли или не останется действие тем же самым.

Даже в действии общности, которая не является ни хозяйственной, ни хозяйствующей, само его возникновение, существование и тип структуры могут частично определяться хозяйственными причинами, вытекающими из экономической ситуации, т.е. быть экономически детерминированными. В свою очередь, оно само может стать фактором, определяющим характер и тип развития хозяйствования, т.е. быть экономически релевантным. Обычно и то и другое случается вместе. Отнюдь не редкость действие, которое не представляет ни хозяйственную, ни хозяйствующую общности. Оно легко конституируется в любой совместной прогулке. Также часто встречаются экономически нерелевантные общности. Среди экономически релевантных общностей особую группу образуют те, что, не будучи хозяйственными (их органы не руководят хозяйством непосредственно или путем предписаний, приказов и запретов), регулируют посредством своих порядков экономическое поведение участников: это регулирующие хозяйство общности, и к ним относятся все виды политических, многие из религиозных и огромное количество других общностей, в том числе и специально организованные для целей экономического регулирования (рыболовецкие или марковые товарищества). Общности совсем никоим образом экономически не детерминированные, как уже говорилось, встречаются редко. Но вот степень детерминированности бывает разной; прежде всего отсутствует — вопреки так называемому материалистическому пониманию истории — однозначная детерминация действия общности экономическим фактором. Явления, которые с точки зрения хозяйства тождественны, на самом деле с социологической точки зрения часто связаны со структурными различиями разнообразных общностей, в том числе хозяйственных или хозяйствующих, которые включают их или сосуществуют с ними. Идея о наличии функциональной взаимосвязи между хозяйством и социальными образованиями также есть предрассудок, который невозможно исторически обосновать (если, конечно, под этой идеей понимать однозначную взаимную обусловленность), поскольку структурные формы действия общности развиваются, как мы еще не раз увидим, по собственным законам, да и помимо этого в каждом конкретном случае определяются наряду с хозяйственными и многими другими причинами, придающими им особенный облик. Тем не менее в одном важном пункте хозяйство обычно оказывает важное, можно сказать, решающее причинное воздействие на структуру почти всех — во всяком случае, всех культурно значимых — общностей и, в свою очередь, испытывает влияние структуры действия общности, в которой существует. О том, когда и как это происходит, трудно сказать что-

либо существенное в общих словах. Но можно тем не менее высказать некоторые общие соображения о степени избирательного сродства конкретных структурных форм действия общности и конкретных форм хозяйства, т.е. о том, поощряют они или, наоборот, исключают либо тормозят друг друга и в какой степени они соответствуют (адекватны) или, наоборот, не соответствуют (неадекватны) друг другу. Такие отношения нам придется не раз обсуждать впоследствии. И наконец, можно выдвинуть хотя бы несколько общих положений о том, как экономические интересы порождают определенного рода действие общности.

§ 2. Открытые и закрытые хозяйственные отношения

Один из важных экономических факторов, воздействующих на жизнь любой общности, — конкуренция за экономические возможности, а именно за должностные позиции, клиентуру, рентный или трудовой доход и т.п. С ростом числа конкурентов по отношению к возможностям дохода растет и заинтересованность участников в том, чтобы как-то ограничить конкуренцию. Обычно это происходит следующим образом: берется некий внешний признак, характерный для части конкурентов (актуальных или потенциальных) — раса, язык, конфессия, географическое или социальное происхождение, родство, место жительства и т.д., и этот признак используется как основание для исключения тех, кто им обладает, из конкурентной борьбы. Каков этот признак в каждом отдельном случае, совершенно не важно, всегда наготове другие из того же ряда. Возникающее таким образом действие одних участников может породить соответствующее действие других, против которых оно направлено. Теперь совместно действующие индивиды, продолжая конкурировать между собой, объединены по отношению ко всем остальным в общность по интересам, и у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то обобществление, регулируемое рациональным порядком, а если монополистические интересы продолжают существовать и далее, наступает момент, когда либо они сами, либо другие общности, чьи действия могут повлиять на интересы сторон (например, политическая общность), устанавливают порядок, ограничивающий конкуренцию в пользу монополии, и создают из определенного круга лиц постоянные органы, готовые проводить в жизнь этот порядок, пусть даже принудительно. Тогда общность по интересам становится правовой общностью, а ее члены — правовыми товарищами. Этот типичный и повторяющийся процесс, который мы назовем закрытием общности, является источником собственности на землю, а также всяких цеховых и прочих групповых монополий. Когда речь идет о товариществе, т.е. о закрытом вовне монополистическом объединении — будь то объединение по месту проживания, чтобы получить исключительное право ловить рыбу в местных водах, или союз дипломированных инженеров, стремящийся иметь для своих — в отличие

от «чужих», недипломированных — формальную или фактическую монополию на занятие определенных мест³, или закрытие права пользования лугами, пастбищами, короче, альмендой для чужих в интересах жителей одной деревни, либо объединение «торговых служащих» по национальному признаку⁴, либо местное или в масштабах страны объединение дворян, министералов, выпускников университетов, ремесленников или претендентов на офицерскую должность — всегда сначала налицо действие общности, потом чаще всего обобществление, и движущей силой всегда оказывается стремление монополизировать определенные (как правило, экономические) возможности. Такое объединение всегда направлено против конкурентов, обладающих общим позитивным или негативным признаком, и цель его — *закрытие* в определенной степени соответствующих социальных или экономических шансов для аутсайдеров. Закрытие, будучи осуществленным, может иметь разные последствия, прежде всего потому, что предоставление монопольных возможностей *отдельным* участникам бывает по-разному организовано. *Внутри* круга монополистов перспективы бывают полностью открытыми, т.е. участники свободно конкурируют между собой, как, например, обладатели профессиональных патентов определенного рода, скажем, дипломированные претенденты на некую должность — за эту должность или ремесленники, имеющие соответствующее свидетельство, — за клиентов или учеников. Или же группа оказывается закрытой и *внутри* себя; эта закрытость может выражаться в форме *ротации*, т.е. поочередного краткосрочного назначения на доходные должности, либо в предоставлении неких привилегий с возможностью их отзыва, к примеру права распоряжения пахотной землей в «сильных» земельных общинах типа русского «мира», либо в передаче определенных возможностей в пожизненное распоряжение; последнее, как правило, касается всех пребэнд, должностей, монополий ремесленных союзов, альменды, особенно также первоначального разделения угодий в большинстве общинных деревенских союзов и т.п. *Внутренняя* закрытость, далее, может выражаться в том, что привилегии безвозвратно передаются индивиду и его наследникам, но без права уступки их другим лицам либо с ограничением претендентов на уступку кругом общинных товарищей (это *χλήρος*, военные пребэнды древности, служебные лены министералов, наследствен-

---

³ Вебер имеет в виду реальный «Союз немецких дипломированных инженеров», основанный в июле 1909 г. как сословное представительство инженеров с высшим образованием (окончивших университеты, высшие технические школы), полагавших, что в существовавшем уже долгое время «Объединении немецких инженеров» их интересы не представлены должным образом. См.: MWG. 1/22-1. S. 83.

⁴ Основанный в 1893 г. «Немецкий союз торговых служащих» уже через два года (в 1895 г.) был переименован в «Немецко-национальный [Deutschnationaler] союз торговых служащих». См.: MWG. 1/22-1. S. 83.

ные должностные и ремесленные монополии). Или, наконец, «закрытым» остается только общее количество возможностей, но каждая из них может быть приобретена третьим лицом у их нынешнего владельца без согласия и уведомления остальных наподобие акций на предъявителя. Эти разные формы более или менее выраженного внутреннего закрытия общности можно считать стадиями *апроприации* монополизированных общностью социальных и экономических возможностей. Полное освобождение присвоенных монопольных возможностей с перспективой их обмена также и вовне, т.е. превращение их в полностью свободную *собственность*, означает, естественно, подрыв прежнего монопольного сообщества, а апроприированные права распоряжения, как его *caput mortuum*, теперь уже оказываются в руках отдельных индивидов в качестве приобретенных в процессе рыночного оборота прав, поскольку вся без исключения собственность на натуральные блага исторически возникла из постепенной апроприации монополистических товарищеских долей, и объектом ее были, в отличие от сегодняшней ситуации, не только конкретные вещные блага, но также экономические и социальные возможности всех мыслимых видов. Само собой разумеется, степень и способ апроприации и легкость осуществления этого процесса внутри общности различаются в зависимости от технической природы объектов и возможностей, о которых идет речь; эти объекты в разной степени удобны для присвоения. Возможность, например, получить с поля путем его обработки продукты, используемые для поддержания жизни или извлечения дохода, связана с видимым и четко ограниченным вещным объектом, т.е. с самим конкретным и неизменным по величине полем, что, например, совсем не так в случае увеличения дохода путем расширения круга клиентов. Тот факт, что объект приносит доход только благодаря мелиорации, т.е. в известном смысле сам является продуктом труда того, кто его использует, наоборот, не мотивирует присвоение. То же самое происходит и в случае приобретения клиентуры, пусть в иной форме, но в гораздо большем масштабе. Чисто технически клиентуру нельзя, так сказать, «приписать» себе так же просто, как участок земли. Естественно, и степень присвоения оказывается очень разной. Но важно твердо установить, что апроприация, в принципе, всегда представляет собой один и тот же, хотя и с разной быстротой и легкостью осуществляемый процесс, а именно закрытие монополизированных социальных и экономических возможностей также и внутри самой общности, т.е. по отношению к товарищам. В соответствии с этим общности являются в разной степени открытыми или закрытыми как внутри себя, так и по отношению к внешнему миру.

§ 3. Формы общностей и экономические интересы

Рассмотренная выше тенденция монополизации принимает особые формы там, где происходит формирование общностей из людей, отличающихся от других в силу неких особых качеств, *приобретаемых* благода-

ря воспитанию, обучению или специфике деятельности. Это могут быть люди, имеющие определенный экономический статус, равное или схожее служебное положение, практикующие рыцарский, аскетический или другой особенный стиль жизни либо как-то еще отличающиеся от других. Действие общности, стремящейся к обобществлению, обычно принимает форму *цеха* или *гильдии*. Ограниченный круг полноправных членов монополизирует распоряжение соответствующими идеальными, социальными и экономическими благами, обязанностями и жизненными позициями как «профессию». Целиком и полностью к исполнению профессии допускаются лишь те, кто 1) прошел ученичество и получил правильную начальную подготовку, 2) выдержал испытание и доказал свою квалификацию, 3) имел, возможно, другие направления подготовки и располагает другими навыками. Эта процедура в типичной форме воспроизводится в самых разных общностях — от пеналистских⁵ обобществлений студенчества до рыцарских объединений, с одной стороны, и ремесленных цехов — с другой, а также в квалификационных требованиях к современным чиновникам и служащим. При этом, конечно, важна перспектива достижения профессионального успеха, в чем идеально и материально заинтересованы все участники, несмотря на сохраняющуюся конкуренцию между ними: для ремесленников важна добрая слава их товаров, для министералов и рыцарей — признание их усердия господином и собственная военная безопасность, сообщества аскетов озабочены тем, как бы путем неправильных манипуляций не навлечь на себя гнев богов и демонов (например, у некоторых первобытных народов того, кто сфальшивит в ритуальном гимне или танце, убивали во искупление вины перед богами). Но еще важнее обычно возможность ограничения таким способом числа претендентов на доходы и привилегии, связанные с профессиональной позицией. Ученичество и испытания, как и доказательства мастерства, и все, что требуется помимо этого (например, щедрое одаривание товарищей), — это часто, скорее, экономические, нежели собственно квалификационные, требования к претендентам.

Монополистические тенденции и связанные с ними экономические соображения сыграли исторически важную роль в *торможении* экспансии общностей. Например, политика аттической демократии в области прав граждан, состоящая во все большем ограничении круга обладателей гражданских привилегий, стала барьером на пути ее политической экспансии. Конstellляция экономических интересов, хотя и иного, но схожего рода, остановила пропаганду квакерства. Изначальное религиозно мотивированное стремление обращать покоренные народы в исламскую веру было ограничено экономическими интересами завоевателей, состоящими в сохранении неисламского, т.е. неполноправного населения, на которое воз-

---

⁵ См. *Пенализм* в глоссарии.

лагались тяготы и повинности по содержанию правоверных, — явление, типичное для многих подобного рода ситуаций.

Не менее типичен другой случай, когда индивиды, которые живут (как в духовном, так и в экономическом смысле) тем, что представляют интересы общности или каким-то иным образом участвуют в ее жизни, тем самым пропагандируют и развивают действие общности, на основе чего формируется обобществление, которого иначе могло бы не быть. В идеальном смысле такой интерес мотивируется по-разному. Например, романтики и их последователи в XIX в. пробудили в многочисленных гибнущих языковых общностях «интересных» для них народностей заботу об их, этих народностей, собственном языковом наследии. Немецкие гимназические и университетские профессора занимались мелкими славянскими языковыми общностями, писали о них книги, испытывая возвышенное стремление спасти их от полного исчезновения. Но все-таки чисто идейная мотивация — не столь мощный рычаг, каким может быть экономическая заинтересованность. Например, группа людей платит или как-то еще прямо или косвенно вознаграждает усилия человека, который берет на себя и осуществляет *представительство*, т.е. формулирование и пропаганду интересов этой группы, в результате чего возникает обобществление, при любых обстоятельствах оказывающееся надежной гарантией дальнейшего действия общности. Идет ли речь, к примеру, о платной пропаганде (замаскированной или открытой) сексуальных⁶ либо других «нематериальных» или же экономических интересов (профсоюзов, союзов работодателей и т.д.), работают ли «докладчики» или митинговые ораторы на почасовой основе либо «секретари» на зарплате и т.п., всегда находятся люди, *профессионально* занимающиеся сохранением имеющихся и привлечением новых членов. Планомерное рациональное предприятие⁷ приходит на смену прерывистому иррациональному случайному действию и продолжает функционировать, даже если первоначальный энтузиазм самих инициаторов давно иссяк.

Собственно капиталистические интересы могут продвигаться в пропаганде самых разных действий общности. Например, владельцы больших запасов печатных материалов на фразатуре⁸ заинтересованы в дальнейшем использовании этого патристического шрифта. Трактирщики, предоставляющие, несмотря на бойкот военных, помещения под собрания социал-демократов, заинтересованы в росте числа членов партии⁹. Каждый найдет

---

⁶ Очевидно, Вебер имеет в виду пропаганду интересов женщин в рамках раннего феминизма, в том числе социалистического, марксистского, и суфражизма.

⁷ См. *Предприятие* в словаре понятий Макса Вебера.

⁸ См. глоссарий.

⁹ В Германском рейхе солдатам было запрещено посещать пивные и рестораны, где проводились собрания социал-демократов; этот запрет приняли также многие со-

множество таких примеров применительно к любому рода действиям общности.

Но во всех случаях экономической заинтересованности (все равно, идет ли речь о служащих или о капиталистической верхушке) налицо важная закономерность: интерес к содержанию пропагандируемых идеалов — в чем бы они ни состояли — неизбежно уступает место интересу к поддержанию или пропаганде общности как таковой. Отличным примером здесь служит полное исчезновение содержательных идеалов у американских партий. Но еще лучший пример, конечно, это типичное, происходящее с самых давних пор сращивание капиталистических интересов с экспансионистскими интересами политических общностей. С одной стороны, политические общности имеют возможности мощного влияния на экономическую жизнь, а с другой — они принудительно получают в свое распоряжение гигантские средства, на чем можно прямо или косвенно зарабатывать: прямо — путем оказания вознаграждаемых услуг и предоставления кредитов; косвенно — путем эксплуатации политически оккупированных ими объектов. В Античности и в начале Нового времени центр тяжести капиталистических доходов, извлекаемых из союза с политической властью, находился в империалистической эксплуатации, и сегодня он снова сдвигается в том же направлении. Любое расширение державной власти увеличивает шансы получения прибыли для заинтересованных участников¹⁰.

Эти экономические интересы, ориентированные на экспансию общности, вступают в конфликт с интересами, которые, следуя в русле уже описанных монополистических тенденций, наоборот, питаются ее закрытостью и исключительностью. Ранее мы установили в общих чертах, что почти каждый основанный на добровольном членстве целевой союз стремится, помимо достижения первичного результата, на который ориентировано обобществленное действие, к установлению между своими членами специфических отношений, способных при определенных обстоятельствах стать основой действия общности, направленного на достижение совершенно иных целей, т.е. обобществление постоянно привязывается к более глубокой «охватывающей» общности. Конечно, это справедливо только для части обобществлений, а именно для тех, где действие общности предполагает не только чисто деловой, но и личностный, социальный контакт. Например, человек принимается в акционеры без всякой оглядки на его личностные, человеческие качества и, как правило, независимо от желания и согласия других акционеров, а лишь в силу совершения экономического акта обмена денег на акции. То же относится ко всем обобществлениям, где вступление зависит от выполнения некоего формального условия или

юзы ветеранов. Хозяева восполняли убытки, предоставляя помещения под собрания СДПГ.

¹⁰ Подробнее об этом см. гл. 6, § 4 «Хозяйственные основы “империализма”».

процедуры и не сопровождается проверкой личности претендента. Это характерно для некоторых видов чисто хозяйственных общностей, а также для политических объединений и — в общем и целом — становится правилом в случаях, когда цель объединения имеет рациональный, специализированный характер. И все же среди обобществлений есть много таких, где, с одной стороны, членство предполагает (открыто или по умолчанию) наличие у претендента определенных специфических качеств и, с другой стороны, в связи с этим постоянно возникает та самая глубокая «охватывающая» общность. Особенно это очевидно там, где прием нового коллеги обусловлен проверкой и получением согласия каждого из членов. В таких случаях претендент проверяется не только на предмет соответствия своим предполагаемым функциям и наличия необходимых для объявленных целей союза способностей, но и на предмет того, что он представляет собой как личность. Здесь не место классифицировать обобществления по признаку важности или, наоборот, неважности для них личностно ориентированного отбора. Достаточно сказать, что таковой действительно встречается в обобществлениях самого разного рода. Не только религиозная секта, но и товарищеское объединение типа союза однополчан или даже игроков в кегли не примет в свои ряды того, кто не устраивает его членов по своим человеческим качествам. Но если уж такой человек принят, он оказывается легитимирован вовне, т.е. по отношению к третьим лицам, гораздо сильнее, чем когда он просто обладает качествами, важными для целей союза. Участие в действии общности в этом случае дает ему возможность включиться в связи, более глубокие и сильные, чем те, что обещает объявленная цель союза, и использовать эти связи к собственной выгоде. Поэтому часто люди входят в религиозные, студенческие, политические или какие-то еще союзы, совершенно не интересуясь целями, которые те формально преследуют, а рассчитывая на экономически важные легитимации и отношения, возникающие в силу членства. Если эти мотивы побуждают посторонних присоединяться к общности и способствуют ее расширению, то интересы членов, наоборот, состоят в том, чтобы монополизировать свое преимущество и повысить его экономическую ценность путем сведения к узкому эксклюзивному кругу участников. И чем круг уже и эксклюзивнее, тем выше становится, помимо прямой полезности, и социальный престиж членства.

Наконец, нужно коротко остановиться еще на одном часто встречающемся проявлении связи хозяйства с действием общности: на обещаниях конкретных экономических выгод в целях сохранения и расширения изначально нехозяйственной общности. Это, естественно, чаще всего происходит там, где несколько однотипных общностей конкурируют в борьбе за новых членов, — например, среди политических партий или религиозных общин. Американские секты конкурируют между собой, организуя культурные и прочие, например спортивные, мероприятия и постоянно снижая цену вступления в новый брак для разведенных супругов (такого

рода демпинг с недавних пор стал ограничиваться путем создания настоящих «картелей»). Религиозные и политические партии помимо пикников и других встреч организуют так называемые молодежные союзы, женские группы и проч., а также активно участвуют в чисто коммунальных и других, по сути, неполитических мероприятиях, что дает им возможность, конкурируя между собой, оказывать услуги экономического свойства заинтересованным лицам и общинам. Внедрение партийных, религиозных и других групп в коммунальные, товарищеские и другие подобные общности имеет сильную экономическую мотивацию: функционеры получают теплые местечки и повышают свой престиж, одновременно им удастся переложить на другие организации собственные аппаратные издержки. Для этого вполне подходят должности в муниципалитетах, товариществах, потребительских обществах, больничных кассах, профсоюзах и т.п., но в еще большей степени — политические должности и «кормления» либо другие распределяемые политической властью социальные или иные позиции, ценимые как источник обеспечения, в частности университетские профессуры. Парламентская система дает любой общности, если она достаточно велика, возможность обеспечить таким образом своего вождя и членов. В частности, это относится к политическим партиям, которым такой род обеспечения свойствен по самой их сути. Нам важно специально отметить тот факт, что нехозяйственные общности прибегают и к прямому созданию экономических организаций, особенно для целей пропаганды, чему служат многие из нынешних милосердных учреждений разных конфессий, в еще большей степени — христианские, либеральные, социалистические, национальные и прочие профсоюзы и кассы взаимопомощи, дающие возможность поддержки и страхования, в значительной степени также основанные именно для этих целей потребительские союзы и товарищества. В некоторых итальянских товариществах, чтобы получить работу, нужно предъявить справку о «прохождении» исповеди. У поляков в Германии необычайно широко распространились организации по кредитованию, долговым выплатам, устройству польских переселенцев; русские партии всех направлений в революционный период¹¹ сразу систематически вступили на этот современный путь. Практикуется также создание доходных предприятий, не только финансовых или сервисных — банков, отелей (социалистический *Hôtellerie du Peuple*¹² в Остенде), — но даже производственных (тоже в Бельгии). Группы, обладающие властью в политических общностях, т.е. собственно чиновничество, для сохранения своих властных позиций делают то же самое — от организации «патриотических» объединений, участие в которых оказывается экономически выгодным, до создания бюрократически кон-

---

¹¹ 1905–1907 гг. Глава писалась в 1913 г.

¹² См. словарь иноязычных слов и выражений.

тролируемых кредитных организаций («Прусская касса»¹³). Анализ технических подробностей этих форм пропаганды не входит в нашу задачу.

Мы описали лишь в общих чертах и показали на нескольких особенно типичных примерах способы взаимодействия и противоборства экспансионистских, с одной стороны, и монополистических — с другой, экономических интересов внутри разных сообществ. Глубже входить в детали мы не можем, для этого необходимо специальное исследование всех отдельных видов обобществлений.

§ 4. Типы экономической деятельности хозяйствующих общностей и формы хозяйства

Речь пойдет о связи действия общности с хозяйством, обусловленной тем, что исключительно большое число общностей являются хозяйствующими. Для того чтобы они могли быть таковыми, обыкновенно требуется определенная степень рационального обобществления. Хотя это и необязательно: его нет в структурах, вырастающих из домашних общностей, которые мы опишем далее¹⁴, но обычно оно имеется.

Действие общности, поднявшейся до уровня рационального обобществления, требует наличия экономических благ и услуг, а следовательно, и некоего формально установленного правила их мобилизации. Последняя может осуществляться по схемам, показанным ниже, структурно представляющим собой чистые типы (примеры по возможности мы берем из жизни *политических* сообществ, ибо именно здесь имеются самые развитые системы мобилизации ресурсов).

1) Получение благ и услуг *по типу ойкоса*, т.е. чисто общинного и чисто натурального хозяйства с обязательным прямым личным физическим участием всех его членов, регулируемым четкими правилами, едиными для всех или специфицированными (общая воинская повинность для всех годных к военной службе и особый род хозяйственной службы для ремесленников). Обязательна также сдача материальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей (например, к столу князя или для военной администрации), которая происходит в форме фиксированных сборов в натуральном виде. Продукты используются в том же работающем не на рынок общинном хозяйстве, представляющем собой часть действия общности (например, чистое самодостаточное домохозяйство князя или феодала, т.е. чистый тип ойкоса, или особый, полностью основанный на натуральных услугах и взносах порядок военного управления, близкий древнеегипетскому).

2) Путем *сборов* или (рыночно) обложения членов общины обязательными налогами и регулярными или связанными с определенными собы-

¹³ См. глоссарий.

¹⁴ См. гл. 2, § 1.

тиями платежами в денежной форме по определенным правилам, что дает возможность получать средства удовлетворения потребностей на рынке, т.е. путем покупки вещных орудий производства и найма работников, чиновников и солдат.

Сборы также могут иметь характер контрибуций, когда обложению подлежат все индивиды, даже те, кто не участвует в действии общности, но при этом а) пользуется на условиях особого возмещения (оплаты в техническом смысле слова) возможностями и преимуществами жизни в общине, в частности услугами созданных ею общественных структур (земельный кадастр или другие учреждения) и хозяйственных благ (например, построенное общиной шоссе), б) просто физически оказался в сфере фактической власти общности (налогообложение проживающих на определенной территории, таможенные сборы с людей и товаров при пересечении территории).

3) *Путем извлечения дохода*, т.е. сбыта на рынке продуктов или услуг собственного производства, которое является составной частью действия общности и доход от которого используется на общественные цели. Это может быть свободное предприятие без формального монопольного статуса (Preußische Seehandlung, Grande Chartreuse)¹⁵ или монополистическое предприятие, каких множество как в прошлом, так и в настоящем (почта).

Ясно, что эти три в понятийном смысле наиболее чистых типа могут соединяться в любые комбинации. Услуги в натуральной форме могут быть оплачены деньгами, натуральные продукты — обращены в деньги на рынке, материальные продукты доходного производства — обменены на то, что получено путем натурального оброка, или куплены на рынке на средства от налогов и денежных сборов. Составные части отдельных типов могут как угодно комбинироваться, что и происходит на деле.

4) Получение ресурсов путем *меценатства*, т.е. чисто добровольных взносов со стороны тех, кто имеет средства и каким-либо образом материально или идейно заинтересован в цели общностного действия, не являясь при этом обязательно членом союза (фонды для религиозных целей как типичная форма удовлетворения потребностей в религиозных и политических группах; поддержка партий крупными спонсорами; сюда же относятся и ордены нищенствующих, и добровольные подношения князьям в прошлом). В таких случаях отсутствуют определенные права и обязанности, как и связь объема вложений с другими формами участия, меценат может вообще не входить в круг действующих.

5) Путем (позитивно или негативно) *привилегированного обременения*. а) *Позитивно* привилегированное обременение возникает (не только, но главным образом) в случае предоставления определенной социальной или экономической монополии либо, наоборот, защиты от таковой, когда некоторые привилегированные сословия или монопольные группы частично

---

¹⁵ См. словарь иноязычных слов и выражений.

либо полностью освобождаются от уплаты сборов. Иначе говоря, сборы и услуги востребуются *не* по общему правилу, в соответствии с уровнем дохода и размером состояния или (как минимум, в принципе) с видом имущества и получения дохода, а в связи со специфическими экономическими, политическими либо иными властными позициями и монополиями, которые общность предоставила и гарантировала индивидам или группам (владение поместьем, цеховые и сословные налоговые привилегии или специальные сборы) как коррелят или прямой результат этой самой монополии или апроприации. Такой способ удовлетворения потребностей создает или фиксирует монополистическую иерархию внутри общности путем закрытия социальных и экономических возможностей для отдельных слоев. В понятийном смысле к этой же форме удовлетворения потребностей надо отнести как важный особый случай весь спектр форм феодального или патримониального покрытия потребностей в политических средствах власти, которые сами связаны с апропрированными властными позициями по отношению к обобществленному действию (князь как таковой в сословной системе должен покрывать расходы политического действия общности из своего патримониального состояния; феодальные носители политической или патримониальной власти и социальной чести — вассалы, министерялы и проч. — покрывают административные и военные расходы из собственных средств и т.п.). Речь идет в основном о взносах и услугах, предоставляемых *in natura* (сословно-натуральное привилегированное удовлетворение потребностей). Но аналогичные процессы привилегированного удовлетворения потребностей могут иметь место и при капитализме, когда, например, политическая власть гарантирует группе предпринимателей прямо или косвенно монополию в области их деятельности, за что налагает на них контрибуцию единовременно или в форме регулярных отчислений. Эта распространенная в эпоху меркантилизма форма привилегированного обременения ныне вновь играет все более значимую роль (налог на спиртное в Германии).

б) *Негативно* привилегированное удовлетворение потребностей имеет литургическую природу. В случае *классовой литургии*¹⁶ обязанность предоставления дорогостоящих услуг определенного характера связывалась с определенным размером чистого, не имеющего монопольных привилегий состояния, будучи возлагаемой, иногда по очереди, на всех обладателей такового (триерархи и хореги в Афинах, принудительные откупа в эллинистических государствах). В случае *сословной литургии* учитывается связь облагаемых повинностями лиц с определенными монопольными сообществами так, что они не могут уклониться от требуемых вложений, не подставляя под удар сообщество (солидарная ответственность). Это принудительные цеха и гильдии в Древнем Египте и поздней Античности; это на-

¹⁶ См. словарь понятий Макса Вебера.

следственные обязательства русских крестьян перед отвечающей за уплату налогов сельской общиной; это более или менее сильная привязанность к земле колонов и крестьян всех времен и солидарная ответственность общин за сбор налогов и (иногда) призыв новобранцев; это, наконец, солидарная ответственность римских декурионов за назначенные выплаты.

Последние (названные в п. 5) способы удовлетворения потребностей общности по природе своей ограничены кругом принудительных общностей учрежденческого типа (прежде всего политических).

§ 5. Действия общности по удовлетворению потребностей и распределение бремени. Порядки, регулирующие хозяйство

Способы удовлетворения потребностей, возникающие в результате борьбы интересов, часто имеют важное значение безотносительно к их прямой цели, ибо нередко они порождают регулирующие хозяйство порядки (например, названные в последнем из приведенных выше пунктов) и даже там, где это прямо не происходит, оказывают глубокое влияние на развитие и ориентацию хозяйства. Так, например, сословно-литургическое удовлетворение потребностей ведет к закрытию социальных и экономических возможностей, к закреплению сословной структуры и тем самым затрудняет формирование частных капиталов. То же самое происходит и в случаях преобладания общинно-, доходно- или монопольно-ориентированных типов удовлетворения потребностей общности. При первых двух из перечисленных в предыдущем параграфе вариантах постоянно налицо тенденция к исключению хозяйства, ориентированного на частный доход, при двух последних — тенденция к сдвигу, иногда — в сторону стимулирования, иногда — в сторону ограничения возможностей частнокапиталистической прибыли. Это зависит от обстоятельств, а также от степени, формы и направленности поощряемого государством монополизма. Нарастающее влияние сословно-литургического (а также и в определенной степени общинно-хозяйственного) удовлетворения потребностей в Римской империи удушило античный капитализм. Современные доходные общинные и государственные предприятия отчасти отодвигают, отчасти вытесняют капиталистические; тот факт, что немецкие биржи со времени огосударствления железных дорог не торгуют их акциями, не только важен с точки зрения их собственного положения, но и влияет на способ формирования состояний. Любое поощрение монополий и их стабилизация, связанные с государственными контрибуциями (немецкий налог на спиртоводочные изделия и т.п.), препятствуют экспансии капитализма (пример: возникновение чисто ремесленных винокурен). В Средневековье и в начале Нового времени колониальная и торговая монополии, наоборот, стимулировали прежде всего возникновение капитализма, поскольку в тех условиях только монополизация создавала поле возможностей для ориентированного на

прибыль капиталистического предпринимательства. Однако в дальнейшем (уже в Англии в XVII в.) монополизация работала против интересов рентабельности капитала, ищущего оптимальные возможности вложения, в результате чего столкнулась с агрессивной оппозицией, которая ее и погубила. Так что в случае обусловленных налогами монопольных привилегий влияние их на становление капитализма неоднозначно. Зато однозначно идет на пользу капиталистическому развитию удовлетворение потребностей через обложение налогами и рынок, когда — в крайнем идеальном случае — все потребности, в том числе управленческие, удовлетворяются путем вынесения на свободный рынок, т.е., например, частному предпринимателю передается вербовка и обучение армии (кондотьеры в начале Нового времени), а средства обеспечиваются путем сбора налогов в денежной форме. Такая система, безусловно, предполагает полностью развитую денежную экономику и наличие с точки зрения техники управления строго рационального и четко функционирующего (а это значит, бюрократического) управленческого механизма. Особенно это касается налогообложения движимого имущества, которое везде, и прежде всего при демократии, сталкивается с большими сложностями. На этих сложностях нужно кратко остановиться, ибо в условиях западной цивилизации они в значительной мере обусловили развитие специфически современного капитализма. Любой вид обременения имущества как такового повсюду, даже там, где власть находится в руках неимущих, наталкивается на определенные границы, и это связано с тем, что владелец имущества может покинуть общность. Вероятность такого шага определяется, естественно, тем, насколько неизбежна принадлежность индивида именно к данной общности, а также тем, насколько его связь именно с этой общностью диктуется специфическим характером имущества. В принудительных общностях учрежденческого характера, т.е. в первую очередь в политических образованиях, все приносящие доход возможности использования имущества особенно сильно связаны с владением землей и являются специфически неперемещаемыми, в противоположность движимому, т.е. состоящему в деньгах или в легко обратимых в деньги вещах и не соотнесенному с определенным местоположением имущества. Выход обладателей такого имущества из состава общности и их перемещение за ее пределы не только резко увеличивает бремя налогов на остающихся членов, но способен — в общности, основанной на рыночном обмене, особенно на обмене на рынке труда, — так ухудшить шансы получения дохода для неимущих (прежде всего получения работы), что общность, только чтобы избежать таких последствий, может отказаться от обложения владельцев этого имущества в свою пользу и даже сознательно предоставить им привилегии. Произойдет ли это, зависит от экономической структуры конкретной общности. Для античного демоса, который в значительной мере жил за счет дани с подданных и при хозяйственном укладе, где рынок труда в современном смысле слова еще не определял

классовое положение масс, названные мотивы и стимулы были гораздо слабее, чем привлекательность прямого взимания налогов с имущества. В современных условиях чаще всего дело обстоит противоположным образом. Именно общности, где неимущие слои имеют решающий голос, нередко весьма бережно обращаются с имуществом. Коммуны, управляемые социалистическими партиями (например, Катания на о. Сицилия), дают широкие привилегии фабрикам, ибо расширение возможностей трудоустройства, т.е. прямое улучшение собственного классового положения, для их сторонников важнее, чем так называемое справедливое распределение и налогообложение имущества. Домовладельцы, хозяева участков под застройку, мелкие торговцы, ремесленники, несмотря на противоречия интересов в каждом отдельном случае, тоже обычно стремятся учитывать прежде всего ближайшие интересы, определяемые классовым положением, поэтому в любого рода общностях *меркантилизм* есть общераспространенное, в отдельных случаях весьма гибкое и представляющее в самых разных формах явление. Точно так же потребность в сохранении налогового потенциала и наличии крупных состояний, способных к предоставлению кредитов, вынуждает к подобному обращению с движимым имуществом и тех, кто заинтересован в могуществе собственной общности как таковой по сравнению с ней подобными. Поэтому движимое имущество, даже если власть в общности находится в руках неимущих, имеет шанс если не получения прямых меркантилистских привилегий, то масштабного освобождения от литургического и налогового бремени там, где существует значительное число конкурирующих между собой общностей, в которых владелец имущества может обосноваться, как, например, в отдельных штатах Северо-Американского союза, где партикуляристская самостоятельность есть главная причина крушения всех серьезных попыток объединения на основе потребностей капитализма, или — в ограниченном, но тем не менее ощутимом объеме — в коммунах в рамках одной страны, или, наконец, в полностью и совершенно независимых конкурирующих друг с другом политических образованиях.

В целом же, естественно, способ распределения бремени в значительной мере определяется, с одной стороны, расстановкой сил различных групп внутри общности, а с другой — типом экономического порядка. Всякое возрастание или преобладание натурально-хозяйственного удовлетворения потребностей ведет к литургической системе. Так, египетская литургическая система возникла во времена фараонов, а позднеримское литургическое государство развивалось по египетскому образцу благодаря натурально-хозяйственному характеру завоеванных внутренних областей и относительно убывающему весу и значению капиталистических слоев, что, в свою очередь, было обусловлено изменением структур господства и управления по мере упразднения налоговых откупов и ограничения ростовщичества. Преобладающее влияние движимого имущества повсе-

местно ведет, наоборот, к снятию бремени обеспечения литургических потребностей с его обладателей и к возникновению систем, обеспечивающих необходимые общности услуги и средства за счет масс. Так, в Риме на место литургической, классифицированной в зависимости от уровня благосостояния и основанной на самовооружении воинской обязанности состоятельных граждан пришли фактическая свобода военной службы для граждан всаднического ценза и находящаяся на государственном обеспечении армия пролетариев, в других местах — наемная армия, расходы на которую покрывались за счет массового налогообложения. Вместо привлечения средств для покрытия внеочередных потребностей с помощью налога на имущество или принудительных беспроцентных заимствований, т.е. литургического использования возможностей имущих для целей общности, в Средние века повсеместно распространилось покрытие расходов за счет займов под проценты, залога земли, таможенных и других сборов, т.е. получалось так, что срочные хозяйственные потребности общности при посредстве имущих слоев превращались в источник прибыли или ренты; иногда (как одно время в Генуе) это приобретало характер управления городом и его налоговыми возможностями в интересах кредиторов государства. И наконец, усиливающийся вместе с ростом политически обусловленной потребности в деньгах поиск капитала со стороны различных сил, конкурирующих за власть и удовлетворяющих свои потребности за счет денежного хозяйства, привел в начале Нового времени к примечательному союзу между формирующими государства силами и привлеченными ими привилегированными капиталистами, что сыграло важнейшую роль при зарождении современного капиталистического развития. Политика той эпохи по праву носит имя меркантилистской. Хотя, как мы видели, меркантилизм в смысле предоставления поддержки и привилегий движимому имуществу существовал везде и всегда, существует и сегодня там, где несколько самостоятельных принудительных образований находятся друг подле друга и конкурируют за счет налогового потенциала и кредитных возможностей капитала своих сочленов, что присуще как Античности, так и Новому времени. Однако в начале Нового времени этот меркантилизм принял специфический облик и оказал специфическое воздействие, что произошло отчасти в силу особенностей структуры господства конкурирующих политических образований и их хозяйства, на чем мы остановимся позже, а отчасти (и преимущественно) в силу иного характера зарождающегося тогда и понимаемого как современный — по отношению к античному — капитализма, особенно неизвестного в прошлом современного индустриального капитализма, которому любая долговременная привилегия более всего шла на пользу. Во всяком случае, с тех пор конкурентная борьба крупных, приблизительно равных по силе чисто политических образований определяет внешнюю сторону политической власти и является, как известно, одной из важнейших специфических движущих сил капиталистических привиле-

гий, которые возникли именно тогда и в измененной форме сохраняются и по сей день. Ни торговая, ни финансовая политики современных государств, т.е. наиболее связанные с центральными интересами современной формы хозяйства направления экономической политики, в их генезисе и протекании не могут быть поняты в отрыве от этой очень своеобразной политической ситуации конкуренции и равновесия в европейской системе государств последних пяти столетий — той ситуации, которую еще Л. фон Ранке в своей первой работе определил как всемирно-историческую особенность Европы¹⁷.

---

¹⁷ См. библиографический указатель.

ТИПЫ ОБЩНОСТЕЙ И ОБОБЩЕСТВЛЕНИЙ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ХОЗЯЙСТВУ

§ 1. Домашняя общность

Рассмотрение специфических, часто весьма сложных воздействий удовлетворения потребностей общностей не является задачей этого общего обзора, где отдельные случаи представлены лишь в качестве примеров.

Не собираясь давать систематическую классификацию общностей по структуре, содержанию, средствам их действия — это, скорее, задача общей социологии¹, — мы попытаемся выработать краткие определения типов общностей, важных с точки зрения дальнейшего анализа. При этом в данный момент для нас важна не связь хозяйства с культурными *содержаниями* (литература, искусство, наука и проч.), а его отношение к «обществу», что в этом случае означает: к универсальным структурным *формам* человеческих общностей. Поэтому содержание действия общности будет приниматься во внимание, только если оно порождает специфические и при этом экономически релевантные структурные формы общностей. Это ограничение, конечно, весьма расплывчато, но тем не менее ясно, что рассмотрены будут лишь некоторые и при этом наиболее широко распространенные виды общностей. Здесь они получают принципиальную характеристику, в дальнейшем формы их развития будут уточняться в связи с проблематикой господства².

Самыми что ни на есть изначальными нам сегодня представляются происходящие из *долговременной сексуальной общности* отношения отца, матери и детей. Но если взять их отдельно от обеспечивающей хозяйственной общности, т.е. общего домохозяйства (что нетрудно сделать, по крайней мере, концептуально), то чисто сексуальные отношения между мужчиной и женщиной и основанные лишь на биологическом факте отцовства отношения между отцом и детьми всегда оказываются по сути своей неустойчивыми и проблематичными; если нет стабильной обеспечивающей общности между отцом и матерью, отношение отцовства вообще отсутствует, а если имеется, то необязательно играет важную роль. Из всех возникающих

---

¹ Общая социология, представленная в томе I настоящего издания, осталась незавершенной. Вебер планировал включить в нее развернутое учение об общностях, содержащее классификацию типов общностей и обобществлений, в качестве пятой главы, о чем говорят его ссылки на эту так и не появившуюся главу в разных местах издания.

² См. том IV настоящего издания.

на основе половых отношений общностных связей *изначально* только связь матери и ребенка, да и то потому, что она представляет собой обеспечивающую общность, природно обусловленная длительность которой охватывает время, необходимое, чтобы ребенок научился сам добывать себе пищу. Здесь же коренится общность братьев и сестер. Молочные братья и сестры (*ἰμογάλαχτες*) — особое обозначение для следующей степени родства, причем и в этом случае важен не природный факт — общее материнское чрево, а хозяйственная общность обеспечения.

Многообразные общностные отношения в дополнение к сексуальным и физиологическим возникают, когда складывается семья как особое социальное образование. Это исторически исключительно многозначное понятие можно использовать, только четко установив его смысл применительно к каждому конкретному случаю. Но об этом позже.

Если материнская группа (мать и дитя) неизбежно рассматривается как самая примитивная в сегодняшнем смысле «семейная» форма построения общности, это вовсе не значит, что имелся этап человеческого существования, не знавший ничего, кроме находящихся друг подле друга многочисленных материнских групп. Напротив, насколько известно, в условиях преобладания материнской группы как «формы семьи» рядом с ней всегда стояли экономические и военные общности мужчин и общности мужчин и женщин сексуального и экономического характера. Как нормальная, но очевидно вторичная форма общности чистая материнская группа нередко встречается именно там, где повседневное взаимодействие мужчин сначала в военных, а потом и в других целях воплощается в долговременную казарменного типа общность мужского дома³, которая у многих народов в разных регионах мира оказывается специфической формой военного развития, т.е. также носит вторичный характер.

О браке как простой комбинации сексуальной и репродуктивной общности, состоящей из отца, матери и детей, вообще, трудно говорить концептуально, поскольку само понятие «брак» можно определить лишь путем ссылки на другие общности. Брак как общественный институт повсюду возникает только в противопоставлении другим, *не считающимся* браком, сексуальным отношениям. Существование брака означает, что 1) отношение, возникшее вопреки воле рода женщины или рода мужчины, которому она принадлежит, т.е. вопреки воле *союза* — а в более ранние времена вопреки воле рода мужчины, либо рода женщины, либо обоих родов вместе, — нетерпимо и должно быть наказано, а именно тем, что 2) только дети, родившиеся в определенных устойчивых связях в рамках обширных экономических, религиозных, политических и других общностей, к которым принадлежат один или оба родителя, в силу своего происхождения будут считаться равноправными членами союза (дома, марки,

---

³ См. глоссарий.

рода, политической группы, сословия, культовой общины), тогда как отпрыски, произошедшие от других сексуальных связей, таковыми считаться не будут. И нужно подчеркнуть, что никакого иного смысла разделение между «брачным» и «внебрачным» не имеет. В чем состоят условия успешного брака, т.е. какие разряды людей могут либо, наоборот, не могут входить в такие длительные отношения, согласие каких членов рода — в более поздние времена, соответственно, союза — нужно было, чтобы брак считался действительным, какие правила при этом необходимо было соблюдать, — все это регулировалось считающейся священной традицией либо законными порядками более поздних союзов. Именно в силу этих порядков брак всегда обладает специфическим качеством, отличающим его от просто сексуальной связи или общности братьев и сестер. Мы не намерены здесь заниматься прослеживанием чрезвычайно важного с точки зрения этнографии пути развития этих порядков; нас они интересуют лишь в аспекте их связи с хозяйством.

Сексуальные отношения, а также отношения, существующие между детьми в силу того, что у них одни и те же родители (или один из родителей), начинают играть важную роль в общественном действии, когда становятся (пусть даже не единственным) основанием особенного экономического союза — домашней общности.

Домашняя общность отнюдь не примитив. Она не предполагает дома в современном смысле этого слова, но предполагает некоторую степень планирования результатов земледельческого труда. В условиях чисто окупаторного поиска пищи ее, вероятно, не могло быть. Но и на основе достаточно технически развитого земледелия домашняя общность часто выглядит так, будто она вторична по отношению к предшествующему состоянию, которое, с одной стороны, давало больше власти обширным родовым и соседским общностям, а с другой — предоставляло индивиду большую степень независимости от родителей, детей, внуков, братьев и сестер. Именно об этом, скорее всего, свидетельствует распространенное как раз в условиях слабой социальной дифференциации почти полное отделение имущества и дохода женщин от имущества и дохода мужчин, как и встречающийся иногда обычай, состоящий в том, что мужчины и женщины едят, повернувшись спинами друг к другу или вообще раздельно, а также и то, что в политических союзах наряду с мужскими организациями обнаруживаются самостоятельные женские организации с вождями-женщинами. Но следует остерегаться делать из этого вывод об индивидуализме некоего «изначального состояния». Часто речь идет о процессах и явлениях, обусловленных военной организацией общности, когда мужчины все время военной службы находятся вне дома, а домашнее хозяйство без мужчин ведут жены и матери; пережитки такого состояния (т.е. пребывания мужчин вне дома и раздельного владения имуществом) сохранялись в семейной структуре спартанцев.

Домашняя общность не была одинаково распространена повсюду. Но все равно это наиболее часто встречающаяся хозяйственная общность, формирующая непрерывное и интенсивное общностное действие. Она есть изначальное основание пиетета и авторитета и основа многочисленных иных человеческих общностей помимо ее самой. Речь идет об авторитете человека 1) более сильного и 2) более опытного по отношению к менее сильным и опытным: мужчины по отношению к женщинам и детям, того, кто работает и сражается, по отношению к тем, кто к этому не способен, взрослых — к детям, старших — к младшим. Если говорить о пиетете, то это пиетет того, кто подчиняется авторитету, к носителю авторитета, а также и носителей авторитета друг к другу. В форме почитания предков отношения пиетета переходят в религиозные отношения, в форме почитания патримонIALных чиновников, приближенных, вассалов — в патримонIALные отношения, изначально имеющие домашний характер. В экономическом и личностном смысле домашняя общность в ее чистом (и, как уже замечено, не всегда примитивном) проявлении означает солидарность вовне и домашний коммунизм, т.е. коммунистическую общность потребления и использования повседневных благ внутри ее самой, и все это в прочном единстве на фундаменте личного уважения и почитания. Принцип солидарности вовне в его чистом виде обнаруживается еще в домашних общностях средневековых и как раз самых капиталистически развитых городов севера и центра Италии, причем в общностях, ведущих капиталистическую предпринимательскую деятельность на основе периодически заключаемых контрактов; такова солидарная ответственность перед кредиторами имуществом и жизнью (иногда криминальная) всех членов дома, иногда даже принятых на контрактной основе помощников и учеников. В этом исторический источник важной для современных форм капиталистического права солидарной ответственности владельцев открытого торгового общества по долгам фирмы. Чего-то подобного нашему праву наследования старый домашний коммунизм не знает. Там господствует простая мысль: семейная общность бессмертна. Если кто-то из членов ее покидает (смерть, изгнание за неискупимое религиозное преступление, усыновление или удочерение, *emancipatio* или добровольный выход, где он возможен), то в чистом типе домашнего коммунизма о выделении доли вышедшего не может быть и речи. Тот, кто покидает общность живым, расстается и со своей долей; смерть же члена общности на коллективном хозяйстве никак не сказывается. Точно так же по сей день организована швейцарская *Gemeinderschaft*. Главный принцип домашнего коммунизма, состоящий в том, что никто ничего не считает, а каждый вносит, что может, и получает то, что ему нужно (из имеющегося в наличии), действует и сегодня, являясь сущностной характеристикой домашнего хозяйства нашей современной семьи. Однако касается этот пережиток прошлого, конечно, только отношений внутрисемейного потребления.

С точки зрения чистого типа принципиально важна общность жилища. Увеличение численности членов понуждало разделение и возникновение обособленных домашних хозяйств. Но ради совместного использования рабочей силы и имущества избирался средний путь — территориальная децентрализация без разделения, неизбежным следствием чего оказывалось возникновение особых прав для обособленных хозяйств вплоть до полного правового отделения и самостоятельности в управлении доходами. Но при этом все-таки существовало и продолжает существовать до сих пор удивительно большое число хозяйств, где сохраняется домашний коммунизм. Например, в Европе, особенно в альпийских областях, в частности, в семействах швейцарских *hoteliers*, да и в других местах также, в семейных торговых домах мирового масштаба, где домашняя общность и домашний авторитет, казалось бы, полностью сошли на нет, остается тем не менее пережиток домашнего коммунизма в том, что касается риска и возможностей выручки, т.е. имеется общий счет прибылей и убытков при абсолютной самостоятельности коммерческих предприятий семьи во всех остальных отношениях. Мне известны примеры такого подхода в торговых домах мирового значения с миллионными оборотами, где капитал принадлежит преимущественно, хотя не полностью, людям различных степеней родства и управление сосредоточено преимущественно, хотя не исключительно, в руках членов семьи. Отдельные предприятия работают в разных, меняющихся отраслях, велики различия в размере капитала, в условиях найма рабочей силы, в уровне дохода. И все равно, когда подводится баланс, годовая прибыль (после обычных отчислений процентов на капитал) просто сбрасывается в общий котел и делится по удивительно простым правилам (часто по головам). Домашний коммунизм на этой ступени сохраняется во имя взаимной хозяйственной поддержки, которая позволяет выравнивать излишек и недостаток капитала между фирмами и, таким образом, избавляет от необходимости внешних заимствований. Поэтому строгая отчетность кончается за чертой годового баланса. Она господствует только внутри предприятия, получающего прибыль. Там, безусловно, даже ближайший родственник, который, не имея капитала, является служащим предприятия, никогда не получит больше, чем любой другой сотрудник, так как речь идет об общих калькулируемых издержках фирмы, которые нельзя изменить в пользу одних, не вызвав недовольства других. Но за чертой баланса начинается царство «равенства и братства» для счастливых — членов семьи.

§ 2. Соседская общность, хозяйственная общность и община

Домашний союз есть общность, удовлетворяющая повседневные потребности в товарах и труде. Значительная часть неординарных потребностей, возникающих в особых случаях, когда налицо острая необходимость или угроза, удовлетворяется за счет существующего в условиях самостоя-